

«Гибридная война»: международно-правовое измерение

К.Л. Сазонова

доцент Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат политических наук. Адрес: 119606, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 84. E-mail: kira_sazonova@mail.ru

Аннотация

В последние три года термин «гибридная война» активно применяется в политической и политологической среде, однако правовые аспекты данного явления пока остаются недостаточно изученными. В результате создается опасная ситуация, когда термин, отражающий тенденции в сфере военно-силового и информационного взаимодействия государств, постепенно внедряется в научную и экспертную терминологию, не обладая при этом четким правовым содержанием. В настоящее время ведется серьезная дискуссия о допустимости использования данного термина в правовом контексте и о возможностях его дальнейшего включения в международно-правовую терминологию. Феномен «гибридной войны» демонстрирует резкое увеличение значимости информационного компонента в международных отношениях, а также является закономерным продолжением реализации концепций «цветных революций» и «арабских весен», предусматривающих преимущественно не силовое воздействие на противника. Перспективы включения термина «гибридная война» в аппарат международного права весьма туманны с учетом того, что уже более 30 лет существует международно-правовой термин «государственный терроризм» с весьма сходным смысловым наполнением, который так и не стал предметом международно-правового регулирования на уровне специализированной конвенции. Можно также констатировать, что «гибридная война» стала журналистским клише для обозначения действий государств, не вписывающихся в рамки традиционной военно-силовой парадигмы, и это крайне отрицательно сказывается на перспективах нормативно-правового регулирования данного явления. Кроме того, информационно-коммуникационная сфера в силу ее динамизма является слишком сложным объектом международно-правового регулирования. Автор выделяет наиболее значимые международно-правовые проблемы, которые встают при рассмотрении правовой коннотации «гибридной войны», в том числе проблему прямых аналогий между ее категориями и классическими военно-силовыми категориями. В данном контексте возникают вопросы — может ли кибератака считаться основанием самообороны государства, и являются ли действия государств, которые можно отнести к «гибридной войне», основанием для международно-правовой ответственности.

Ключевые слова

«гибридная война», международное право, информационная война, конфликты, «государственный терроризм», международная ответственность.

Библиографическое описание: Сазонова К.Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 177–187.

JEL: K33; УДК: 341

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.177.187

Информационное противоборство всегда было неотъемлемой частью традиционного военно-силового противостояния государств, однако последние годы сопровождаются беспрецедентным ростом значимости информационного компонента в межгосударственных отношениях. Конец 2016 г. ознаменовался появлением невероятных по их возможностям «русских хакеров», которые якобы способны вмешаться в избирательный процесс практически в любом государстве планеты¹. В феврале 2017 г. на сайте МИД Российской Федерации появился раздел «Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России»², в который уже занесены отдельные публикации из таких влиятельных изданий, как «Дейли телеграф», «Нью-Йорк таймс», «Файненшл таймс», «Аль-Джазира» и др. В феврале 2017 г. глава корпорации «Майкрософт» Б. Смит предложил создать «цифровую Женевскую конвенцию» для борьбы с киберпреступностью, а также учредить независимую организацию, которая «расследовала бы спонсируемые правительствами разных стран кибератаки в отношении других стран»³. В феврале 2017 г. также было официально объявлено о создании войск информационных операций в России⁴. Наконец, в марте 2017 г. бывший вице-президент США Р. Чейни заявил, что предполагаемое американской стороной вмешательство России в президентские выборы в США можно расценивать как «акт войны»⁵.

Вышеуказанные примеры наглядно демонстрируют значимость информационного противостояния государств на современном этапе. Если словосочетание «информационная война» уже стало вполне привычным, то термин «гибридная война» стал весьма популярен лишь в последние несколько лет. Если проследить динамику запросов словосочетания «гибридная война» в поисковой системе Google, то обнаруживается, что до весны 2014 г. этот термин не вызывал никакого интереса как у русскоговорящих, так и у англоговорящих пользователей⁶. Можно констатировать, что термин был сознательно «вброшен» в медиaprостранство, породив множество обсуждений и интерпретаций со стороны экспертного и академического сообществ.

Политический и правовой контексты термина «гибридная война» и перспективы включения этого термина в международно-правовую терминологию

Продолжительное время термины «гибридная война», «информационная война», «цветная революция» воспринимались как элементы исключительно политологиче-

¹ См., например: [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.rbc.ru/politics/11/11/2016/582557789a79475783e2b0a4> (дата обращения: 16.11.2017)

² [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii> (дата обращения: 16.11.2017)

³ 'Digital Geneva Convention' Needed to Deter Nation-State Hacking: Microsoft President [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.reuters.com/article/us-microsoft-cyber-idUSKBN15T26V> (дата обращения: 16.11.2017)

⁴ Шойгу объявил о создании войск информационных операций [Электронный ресурс]: // URL: <https://rg.ru/2017/02/22/shojgu-obiavil-o-sozdanii-vojsk-informacionnyh-operacij.html> (дата обращения: 16.11.2017)

⁵ Russian Interference an "Act of War": Cheney [Электронный ресурс]: // URL: <http://thehill.com/policy/cybersecurity/325928-cheney-russian-election-interference-could-be-act-of-war> (дата обращения: 16.11.2017)

⁶ См. статистику русскоязычного сектора Google [Электронный ресурс]: // URL: <https://trends.google.ru/trends/>) и его англоязычного сектора [Электронный ресурс]: // <https://trends.google.com/trends/>.

ские⁷ или культурологические⁸, не имеющие отношения к международному праву. Однако с недавних пор в западном экспертном сообществе началось активное исследование именно международно-правовых аспектов «гибридной войны»⁹. Отечественная доктрина международного права, за редким исключением¹⁰, по-прежнему предпочитает не оперировать данным термином, исходя из того, что «гибридная война» вообще не является термином международного права. С одной стороны, данная позиция является оправданной, поскольку словосочетание действительно формально не закреплено в действующих международно-правовых документах.

С другой стороны, последние десятилетия стали наглядной иллюстрацией того, как политологические термины «гуманитарная интервенция» или «несостоявшиеся государства» вдруг начинали оказывать сильнейшее влияние на всю парадигму действующего международного права. Более того, именно из-за строгого размежевания терминов на «политологические» и «международно-правовые» отечественная доктрина международного права нередко приобретает реакционный характер, поскольку вынуждена лишь реагировать и отвечать на те дискуссионные концепции, которые возникают в рамках западного аналитического дискурса и затем активно продвигаются по всему миру.

Совершенно очевидно, что, несмотря на все усилия международного сообщества, проблема применения силы в современном международном праве не решена окончательно, однако в последние десятилетия большинство государств даже при реализации откровенно агрессивной политики стремится придать собственным действиям максимальную легитимность в глазах международного сообщества. Именно поэтому «война» не является в последние годы часто эксплуатируемым международно-правовым термином, поскольку автоматически отсылает к прямому нарушению Устава ООН. По данной причине весьма часто происходит замена термина «война» на эвфемизмы «международный конфликт» или «международный кризис». В случае с «гибридной войной» термин «война» выведен весьма подчеркнуто, что, по мнению отдельных экспертов, призвано оказывать «воздействие как на рациональное, так и на эмоциональное восприятие субъектом военно-политической действительности»¹¹, поскольку термин «война» однозначно ассоциируется с негативными противоправными действиями. Кроме того, в последние десятилетия прослеживается явная тенденция к тому, что «прямые, открытые военные столкновения оказываются второстепенными по отношению к латентным конфликтам»¹². Данное обстоятельство привело к беспрецедентному росту количества гражданских войн, сепаратизма и национального самоопределения во всем мире.

В.С. Котляр отмечает два основных контекста современного использования словосочетания «гибридная война». Первый связан с применением данного термина в слу-

⁷ Демидов А.В. Стратегия «управляемого хаоса», как одно из проявлений политики «гибридных войн» // Геополитический журнал. 2015. № 2. С.16–20.

⁸ Кочетков В.В. Культурное измерение гибридных войн // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2015. № 4. С. 263–267.

⁹ Sari A. Legal Aspects of Hybrid Warfare [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.lawfareblog.com/legal-aspects-hybrid-warfare> (дата обращения: 16.11.2017)

¹⁰ См., напр.: Мартыненко Е.В., Бисультанов А.К. Гибридная война и международное гуманитарное право // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6. С. 24.

¹¹ Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 8.

¹² Герасимов Н.Н. Современная эпоха войн гибридного типа // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10. С. 120.

чаях «использования иррегулярных воинских формирований, возрастания роли спецслужб, диверсий, провокаций и других форм и способов ведения подрывных операций, информационных и финансово-экономических операций, кибератак, методов психологического воздействия на поведение людей»¹³. Второй контекст использования термина связан с проведением «масштабной подрывной операции без участия регулярных вооруженных сил нападающего государства, но с опорой на внутренние политические силы страны-жертвы, которые разделяют позицию нападающего государства, с целью смены режима страны-жертвы или радикального изменения ее политики при массивной материальной и информационной поддержке»¹⁴. Таким образом, в международно-правовом дискурсе «гибридная война» представляет собой «зонтичный термин», призванный обозначить различные способы воздействия на противника, находящиеся за пределами классического военно-силового противостояния.

Важно отметить, что в международном праве уже более 30 лет существует термин «государственный терроризм», который по своему содержательному наполнению весьма близок к «гибридной войне». «Государственный терроризм» является чрезвычайно многозначным явлением, но все его проявления так или иначе сводятся к направленному латентному воздействию на одно государство со стороны другого государства. Это может быть деятельность, направленная на поддержку экстремистских и террористических организаций, так называемый «терроризм, спонсируемый государством (спонсирование Аль-Каиды со стороны США для противодействия СССР в Афганистане является классическим примером). Это также может быть деятельность государства, направленная на политическую и финансовую поддержку оппозиции в другом государстве с далеко идущими планами (практически любая «цветная революция» либо «арабская весна» подходит под данный формат). «Государственным терроризмом» также можно назвать деятельность спецслужб того или иного государства, незаконно проводимую на территории другого государства. К подобной деятельности можно отнести незаконное прослушивание посольств и ведомств другого государства, подрыв стратегических объектов, организацию заказных убийств политических деятелей. В Женевской декларации (1987) отмечена противоправность политики «государственного терроризма», однако полномасштабная запрещающая конвенция по данному вопросу до сих пор не принята.

Возникновение концепции «гибридной войны»: причины и предпосылки

Выделим три ключевые группы причин появления феномена «гибридная война», условно обозначив их как «юридические», «военные» и «технические».

Первая группа причин («юридические») напрямую связана с запретом на применение вооруженной агрессии для разрешения межгосударственных противоречий, закрепленного в ст. 2 Устава ООН (1945). В результате введения данного императивного принципа начался активный поиск несиловых методов реализации внешнеполитических целей отдельных государств, который позволил бы государствам не выходить за рамки запрета на применение вооруженной силы. Ряд экспертов также полагает, что юридиче-

¹³ Котляр В.С. К вопросу о «гибридной войне» и о том, кто же ее ведет на Украине [Электронный ресурс]: // URL:<https://interaffairs.ru/jauthor/material/1350> (дата обращения: 16.11.2017)

¹⁴ Там же.

ский запрет на применение силы в международных отношениях, на фоне которого несколько десятилетий разворачивалась «холодная война», также способствовал тому, что государства были вынуждены прибегать к отдельным элементам «гибридной войны»: «Невозможность прямого военного столкновения между вооруженными силами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки подталкивала к неминуемой военно-политической поддержке противоборствующих сторон в каждом вооруженном конфликте»¹⁵.

Вторая группа причин появления термина «гибридная война» (которую можно условно обозначить как «военную») связана с тем, что глобальное военно-силовое противостояние становится все менее актуальным даже не из-за противоправности с точки зрения международного права, а из-за фактической военной неэффективности. Массовый характер вооруженных действий уходит в прошлое, равно как и использование огромных армий, а также наличие четко очерченного театра военных действий. Кроме того, в западных странах крупные военные потери, сопровождающиеся массовой гибелью солдат, вызывают закономерный электоральный протест (примером служат массовые демонстрации в США против конфликтов в Ираке и Афганистане). Потери в «информационной войне» несравнимы с открытым военно-силовым противостоянием, а результат не менее эффективен. Весьма показательно, что переориентация на «гибридные войны», «арабские весны», а также на «информационные войны» был сделан многими западными государствами именно после неоднозначных интервенций США и НАТО на Ближнем Востоке в начале XXI века.

В настоящее время информационное противостояние и воздействие с помощью «мягкой силы» фактически выведено за пределы действующего международно-правового поля. Поток информации льется на среднестатистического гражданина непрерывно, постепенно и ненавязчиво меняя его ценности, искажая его восприятие истории, изменяя его картину мира. Таким образом, одной из целей «гибридной войны» является «замещение традиционных базовых ценностей общества морально-психологическими установками агрессора»¹⁶. Отечественные эксперты отмечают, что «гибридная война» сопровождается использованием «массовых манипулятивных психотехнологий, применением направленного информационного воздействия на массовое сознание людей с учетом их этнопсихологических, гендерных, психолого-возрастных и других особенностей»¹⁷. Благодаря повсеместному распространению информационно-коммуникационных технологий, в особенности сети «Интернет», театром военных действий «гибридной войны» теоретически может служить весь земной шар.

Третью группу причин, актуализирующую тематику «гибридной войны», обозначим как «техническую», поскольку она напрямую связана с растущими по экспоненте техническими возможностями современных государств. Беспрецедентная глобализация информационного пространства и появление новых технологий в сфере массовых коммуникаций в последние два десятилетия привела к тому, что для несилового противостояния появилось больше сравнительно недорогих и эффективных средств, чем для классического военно-силового противостояния, весьма затратного и технически

¹⁵ Дерешко Б.Ю. Морально-психологическое обеспечение противостояния в гибридных войнах: правовые аспекты // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 55.

¹⁶ Узун О.Л., Узун С.Л. Правовое регулирование информационной безопасности как элемента национальной безопасности в условиях современных гибридных войн // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2015. № 1. С. 28.

¹⁷ Собольников В.В. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных» войн НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3. 2015. С. 25.

сложного. Финансовая разница между, например, установкой, размещением и обслуживанием противоракетного комплекса, с одной стороны, и информационным вбросом, в особенности в крупных подконтрольных СМИ, с другой, очевидна.

Перспективы правового регулирования «гибридных войн»

Существует значительное количество международных документов декларативного характера, которые так или иначе затрагивают информационную сферу, например, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН¹⁸. С другой стороны, по-настоящему действенных нормативно-правовых документов, имеющих обязательный характер, пока крайне мало.

Одним из самых известных многосторонних инструментов в сфере информационно-го взаимодействия является Будапештская конвенция Совета Европы о киберпреступности (2001), однако она, во-первых, существенно ограничена кругом ее участников; во-вторых с учетом развития информационных технологий она не могла не устареть морально более чем за 15 лет; в-третьих, данная Конвенция является весьма спорной с точки зрения содержания отдельных положений (например, предполагающих трансграничный доступ к данным при расследованиях), из-за чего отдельные эксперты даже называют ее «попыткой легализовать шпионаж в глобальных масштабах»¹⁹.

С 2011 г. Российская Федерация предлагает проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, где впервые на нормативно-правовом уровне вводится понятие «информационной войны» как «противоборства между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны»²⁰. Ст. 6 данного проекта содержит обязательство стран-членов «не использовать информационно-коммуникационные технологии для вмешательства в дела, относящиеся к внутренней компетенции другого государства»²¹. К сожалению, после перелома в международных отношениях, связанного с конфликтом в Украине, перспективы принятия любых международно-правовых инициатив, исходящих со стороны России, в том числе и самых благих будут весьма призрачными из-за активного противодействия западных государств.

Кроме того, преимущества подписания полномасштабной «цифровой конвенции» также не очевидны. В последние полвека международно-правовое регулирование нередко становилось заложником трех весьма стандартных моделей. Первая связана с

¹⁸ Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/64/211 «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур» от 21.12.2009 и A/RES/70/455 «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопасности» от 23.12. 2015.

¹⁹ Крутских А., Стрельцов А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс]: // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1167> (дата обращения: 16.11.2017)

²⁰ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) [Электронный ресурс]: // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 16.11.2017)

²¹ Там же.

тем, что достижение консенсуса по тому или иному вопросу приводило к принятию слишком общего по своему характеру документа, не обладающего должной регулятивной силой и носящего фактически декларативный характер (например, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин (1979)). В рамках второй модели принимается остроактуальный документ с проработанным правовым механизмом, однако его действие существенно ограничивается количеством подписавших и ратифицировавших его сторон, в число которых обычно не входят государства, наиболее активно действующие в рамках предмета регулирования конвенции (например, Конвенция по касетным боеприпасам (2008)). В рамках третьей модели соглашение или конвенция остаются на уровне так называемого «Проекта статей», который в итоге используется почти всеми, однако не имеет обязательной силы — например, Кодекс преступлений против мира и безопасности человечества (1996), Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (2001), Проект статей об ответственности международных организаций (2011).

Принятие всеобъемлющего документа в области информационной безопасности существенно осложняется спецификой информационной среды как сферы правового регулирования. Современные информационно-коммуникационные технологии «настолько динамичны, что правовые нормы не всегда успевают адекватно отразить новую информационную реальность»²². Кроме того, введение правовых рамок предполагает достижение политического консенсуса, а информационное пространство пока очень далеко от хотя бы минимального согласования или же введения единой терминологии.

Некоторые авторы утверждают, что «гибридные войны» предполагают «необходимость серьезной масштабной международной деятельности по совершенствованию норм права войны и международного гуманитарного права»²³. С одной стороны, с этим трудно не согласиться, однако с другой нельзя отрицать, что отсутствие правового регулирования в той или иной сфере нередко означает, что государствам как основным субъектам международного права выгодно данное отсутствие. Игра на информационно-коммуникационном поле вне правовых рамок сегодня частично компенсирует государствам те возможности, которые не могут быть достигнуты из-за запрета на применение вооруженной силы. Данный фактор приводит к тому, что нередко государства дают согласие на правовое регулирование той или иной сферы лишь тогда, когда возникают новые возможности помимо данной сферы. Так, если посмотреть на эволюцию запрещения отдельных видов оружия, можно увидеть, что международное право отстает на несколько десятков лет от стадии, на которой находится применяемое государствами вооружение. Сказанное относится к противопехотным минам, химическому оружию, отдельным видам зажигательного оружия.

Таким образом, правовое регулирование отдельных элементов информационной сферы станет частью международной нормативно-правовой базы лишь когда противоборство государств будет осуществляться за счет иных, не урегулированных правом методов. Также можно предположить, что с внедрением новых способов информационного воздействия значение отдельных видов обычных вооружений будет постепенно снижаться, по крайней мере, для технически развитых государств. Безусловно, изменчивость и нестабильность международно-политического пространства позволяют допустить любые варианты противостояния государств, в диапазоне от экономических

²² Крутских А., Стрельцов А. Указ. соч.

²³ Дерешко Б.Ю. Указ. соч. С. 58–59.

санкций до глобальной ядерной войны. Однако наиболее вероятным вариантом противодействия наиболее развитых в экономическом плане государств сегодня становится именно «гибридная война» как вариант, наименее затратный и наименее доказуемый в качестве основания международной ответственности.

Перспективы привлечения государств к международной ответственности за «гибридные войны»

Регламентация силового взаимодействия государств непосредственно связана с принципом неприменения силы и угрозы силой, зафиксированным в ст. 2 Устава ООН. При этом очевидно, что сила может быть очень разнообразной — военной, культурной, экономической, информационной и т.д. От используемого прилагательного напрямую зависит, использование какой именно силы противоправно и влечет за собой юридические последствия. Показательно, что в самом начале работы ООН делегации Бразилии и Боливии выступали с предложениями ввести уточнения запрета на применение экономической силы для ограничения санкционного воздействия, однако данные предложения не были приняты. Можно констатировать, что использование информационно-силового воздействия в настоящее время выведено за рамки нормативно-правового регулирования.

Подавляющее большинство современных международно-правовых документов разрабатывались в расчете на межгосударственные конфликты, но не на внутреннее противостояние. Именно поэтому события, связанные с самоопределением народов и наций, а также с «цветными революциями», «арабскими веснами» и пр. вызывают такое количество разногласий и приводят к появлению «двойных стандартов» при трактовке важнейших международно-правовых документов.

Как отмечают эксперты, «существенная особенность гибридной войны состоит практически в отсутствии грани между состоянием войны и мира»²⁴. Это приводит к тому, что чисто информационный компонент «гибридной войны» лежит за пределами действия современного международного права. Кроме того, даже при применении вооруженной силы международная ответственность за подобные деяния крайне трудно доказывается и крайне редко доводится до финальной стадии имплементации. Если же речь идет о «гибридной войне», то шансы на установление международной ответственности за данный вид деятельности практически отсутствуют, поскольку с точки зрения современного международного права подобное вмешательство доказать практически невозможно. Вообще тематика доказательств, аргументации и проверки фактов при «гибридной войне» не особенно актуальна: гораздо важнее создание «информационного шума» путем различных «информационных вбросов», публикации псевдоаналитических докладов и пр. Это приводит к тому, что инициатор или «агрессор» в «гибридной войне» не всегда очевиден, в особенности с позиций широкой общественности. Таким образом, термин является «обоюдоострым»²⁵.

Например, весьма показательным, что конфликт в Украине (начавшийся в 2014 г.) называют «гибридной войной» как российские²⁶, так и западные специалисты²⁷, при этом в

²⁴ Мартыненко Е.В., Бисультанов А.К. Указ. соч. С. 24.

²⁵ Белозеров В.К., Соловьев А.В. Указ. соч. С. 8.

²⁶ См., напр.: Котляр В.С. Указ. соч.

²⁷ См., напр.: Bachmann S., Gunneriusson H. Russia's Hybrid Warfare in the East: Using the Information Sphere as Integral to Hybrid Warfare // Georgetown Journal of International Affairs. October 2016. P. 198–210; Hunter E., Pernik P. The Challenges of Hybrid Warfare [Электронный ресурс]: // URL:https://www.

качестве «агрессора» выступают противоположные стороны. Из-за специфичности и всеохватности информационного поля нередко возникает ситуация, когда точная установка «агрессора» практически невозможна. Кроме того, современные технологии позволяют запутывать следы при дистанционном системном взломе (например, вставка русских слов в строки кода для объявления о «русском следе»²⁸), что существенно затрудняет установление истинного исполнителя кибератаки. При этом очевидно, что основной акцент применения словосочетания «гибридная война» в западном информационном поле делается на то, чтобы термин стал «расхожим штампом, «ярлыком» для оценки действий России»²⁹.

Можно констатировать, что основные международно-правовые вопросы, возникающие в контексте «гибридной войны», заключаются в следующем:

допустимо ли считать «гибридную войну» международно-правовым термином?

если «гибридная война» является войной в правовом смысле, можно ли и нужно ли ставить процесс ее ведения в правовые рамки?

может ли урон от «гибридной войны» считаться основанием для международной ответственности?

можно ли проводить прямые параллели между военной и информационной сферой, например, должна ли кибератака считаться основанием самообороны государства по смыслу ст. 51 Устава ООН?

Указанные вопросы являются своеобразной «дорожной картой» для дальнейшей правовой регламентации вопросов, связанных с «гибридными войнами». С учетом того, что на учреждение формального запрета на неправомерное применение вооруженной силы потребовались без преувеличения тысячи лет, можно предположить, что крайние формы информационного противостояния также однажды могут быть поставлены в определенные рамки. Однако очевидно, что это произойдет лишь если будут разработаны новые способы разрешения межгосударственных противоречий и претворения в жизнь национальных интересов.

Можно констатировать, что перспективы нормативного (обычно-правового или договорно-правового) урегулирования тематики «гибридной войны» пока являются весьма туманными, поскольку принятие международно-правовых документов должно сопровождаться широким консенсусом, которого по рассмотренной проблематике в настоящее время не наблюдается.

Библиография

Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.

Демидов А. В. Стратегия «управляемого хаоса», как одно из проявлений политики «гибридных войн» // Геополитический журнал. 2015. №2. С. 16–20.

Дерешко Б.Ю. Морально-психологическое обеспечение противоборства в гибридных войнах: правовые аспекты // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 55–60.

icds.ee/fileadmin/media/icds.ee/failid/Eve_Hunter_Piret_Pernik_-_Challenges_of_Hybrid_Warfare.pdf (дата обращения: 16.11.2017); Kofman M., Rojansky M. A Closer look at Russia's "Hybrid War" [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/190090/5-KENNAN%20CABLE-ROJANSKY%20KOFMAN.pdf> (дата обращения: 16.11.2017)

²⁸ Wikileaks: ЦРУ может утаивать кибератаки под видом «русских хакеров» [Электронный ресурс]: // URL: <https://www.vz.ru/news/2017/3/7/860924.html> (дата обращения: 16.11.2017)

²⁹ Белозеров В.К., Соловьев А.В. Указ. соч. С. 9.

Герасимов Н.Н. Современная эпоха войн гибридного типа // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10. С. 120–125.

Котляр В.С. К вопросу о «гибридной войне» и о том, кто же ее ведет на Украине // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1350> (дата обращения: 16.11.2017)

Кочетков В.В. Культурное измерение гибридных войн // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2015. № 4. С. 263–267.

Крутских А., Стрельцов А. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2014. № 11 // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1167> (дата обращения: 16.11.2017)

Мартыненко Е.В., Бисультанов А.К. Гибридная война и международное гуманитарное право // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6. С. 24–26.

Мокшанов М.Г. Актуальные вопросы противостояния гибридным войнам в условиях современной действительности // Наука. Мысль. 2015. № 3. С. 60–63.

Собольников В.В. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных» войн НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3. С. 25–31.

Узун О.Л., Узун С.Л. Правовое регулирование информационной безопасности как элемента национальной безопасности в условиях современных гибридных войн // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2015. № 1. С. 27–31.

Bachmann S., Gunneriusson H. Russia's Hybrid Warfare in the East: Using the Information Sphere as Integral to Hybrid Warfare // Georgetown Journal of International Affairs. October 2016. P. 198–210.

Hunter E., Pernik P. Challenges of Hybrid Warfare. Tallinn, 2015 // https://www.icds.ee/fileadmin/media/icds.ee/failid/Eve_Hunter__Piret_Pernik_-_Challenges_of_Hybrid_Warfare.pdf (дата обращения: 16.11.2017)

Kofman M., Rojansky M. Closer Look at Russia's "Hybrid War" // Kennan Cable. April 2015 // URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/190090/5-KENNAN%20CABLE-ROJANSKY%20KOFMAN.pdf> (дата обращения: 16.11.2017)

Sari A. Legal Aspects of Hybrid Warfare // October 2015 // <https://www.lawfareblog.com/legal-aspects-hybrid-warfare> (дата обращения: 16.11.2017)

Hybrid Warfare: International Law Dimension

Kira Sazonova

Associate Professor, Institute of Public Administration and Management, Russian Academy of National Economy and Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Candidate of Political Sciences. Address: 84 Vernadsky Prospect, Moscow 119606, Russian Federation. E-mail: kira_sazonova@mail.ru

Abstract

In the last three years, the term “hybrid warfare” is being actively applied in political context. However, legal aspects of this phenomenon remain insufficiently studied. As a result, there is a dangerous situation when the term reflecting real tendencies in the sphere of military and informational policy of the states gradually takes root into research terminology, without any appropriate legal content yet. Nowadays there is a serious discussion about the possibility of using this term in a legal context and about the opportunities of its further inclusion into international legal terminology. The phenomenon of “hybrid warfare” shows sharp increase of the importance of informational component in international relations. It also represents the logical continuation of practical implementation of the concept of “color revolutions” and “Arab springs” which mainly deal with non-military impact on the opponent. The author believes that the prospects of inclusion of the term “hybrid warfare” in terminology of international law are very nebulous, taking into account that there have been legal term “state terrorism” for more than three decades, with a very similar sense, which has not yet become a subject of international legal regulation in the specialized convention. Moreover, the fact that “hybrid warfare” became a journalistic cliché for designation of actions of the states are not fitting into a framework of a traditional military paradigm, has extremely bad effect on the prospects of legal

regulation of this phenomenon. Besides, the information and communication sphere represents too difficult subject of legal regulation due to its dynamism. The author points out the most significant international legal issues arising from legal connotation of the term “hybrid warfare”, including the problem of conducting direct analogies between the classical military categories and the categories of “hybrid war”. In this context, the problem is whether cyber-attacks can be considered as a basis for the state self-defense, as well as whether actions of states during “hybrid war” can be considered as the basis for the international responsibility of states.

Keywords

hybrid warfare; international law; information war; conflicts; state terrorism; international responsibility.

Citation: Sazonova K.L. (2017) Hybrid Warfare: International Law Dimension. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 177–187 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.177.187

References

Bachmann S., Gunneriusson H. (2016) Russia's Hybrid Warfare in the East: Using the Information Sphere as Integral to Hybrid Warfare. *Georgetown Journal of International Affairs*. October, pp. 198–210.

Belozherov V.K., Solov'ev A.V. (2015) Gibrnidnaya voyna v otechestvennom politicheskom i nauchnom diskurse [Hybrid war in Russian political and academic discourse]. *Vlast'*, no. 9, pp. 5–11.

Demidov A.V. (2015) Strategiya «upravlyаемого khaosa», kak odno iz proyavleniy politiki «gibrnidnykh voyn» [Strategy of controlled chaos as a policy of hybrid wars]. *Geopoliticheskij zhurnal*, no 2, pp. 16–20.

Dereshko B.Yu. (2016) Moral'no-psikhologicheskoe obespechenie protivoborstva v gibrnidnykh voynakh: pravovye aspekty [Moral and psychology in hybrid wars. Legal aspects]. *Vestnik voennogo prava*, no. 1, pp. 55–60.

Gerasimov N.N. (2016) Sovremennaya epokha voyn gibrnidnogo tipa [Modern epoch of hybrid wars]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, no. 10, pp. 120–125.

Hunter E., Pernik P. (2015) Challenges of Hybrid Warfare. International Center for Defense and Security, Tallinn. Available at: URL: https://www.icds.ee/fileadmin/media/icds.ee/failid/Eve_Hunter_Piret_Pernik_-_Challenges_of_Hybrid_Warfare.pdf (accessed: 16.11.2017)

Kochetkov V.V. (2015) Kul'turnoe izmerenie gibrnidnykh voyn [Cultural dimension of hybrid wars]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sotsiologiya i politologiya*, no. 4, pp. 263–267.

Kofman M., Rojans M. (2015) Closer look at Russia's “Hybrid War”. *Kennan Cable*. Available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/190090/5-KENNAN%20CABLE-ROJANSKY%20KOFMAN.pdf> (accessed: 16.11.2017).

Kotlyar V.S. (2015) K voprosu o «gibrnidnoy voyne» i o tom, kto zhe ee vedet na Ukraine [On hybrid war and Ukraine]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no 8. Available at: URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1350> (accessed: 11.11.2017).

Krutsikh A., Strel'tsov A. (2014) Mezhdunarodnoe pravo i problema obespecheniya mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 11. Available at: URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1167> (accessed: 16.11.2017)

Martynenko E.V., Bisul'tanov A.K. (2016) Gibrnidnaya voyna i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo [Hybrid war and international humanitarian law]. *Evraziyskiy yuridicheskij zhurnal*, no 6, pp. 24–26.

Mokshanov M.G. (2015) Aktualnye voprosy protivostoyania gibrnidnym voynam v usloviakh sovremennoy deistvitel'nosti [Contemporary Issues of Confronting Hybrid Warfare]. *Nauka. Mysl'*, no. 3, pp. 60–63.

Sari A. (2015) Legal Aspects of Hybrid Warfare. *Lawfare*. Available at: <https://www.lawfareblog.com/legal-aspects-hybrid-warfare> (accessed: 16.11.2017).

Sobol'nikov V.V. (2015) Mesto i rol' psikhologicheskogo vozdeystviya v strategii vedeniya «gibrnidnykh» voyn NATO [Role of psychological effect in NATO hybrid wars]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, no. 3, pp. 25–31.

Uzun O.L., Uzun S.L. (2015) Pravovoe regulirovanie informatsionnoy bezopasnosti kak elementa natsional'noy bezopasnosti v usloviyakh sovremennykh gibrnidnykh voyn [Legal regulation of information security in modern hybrid wars]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynye situatsii*, no. 1, pp. 27–31.